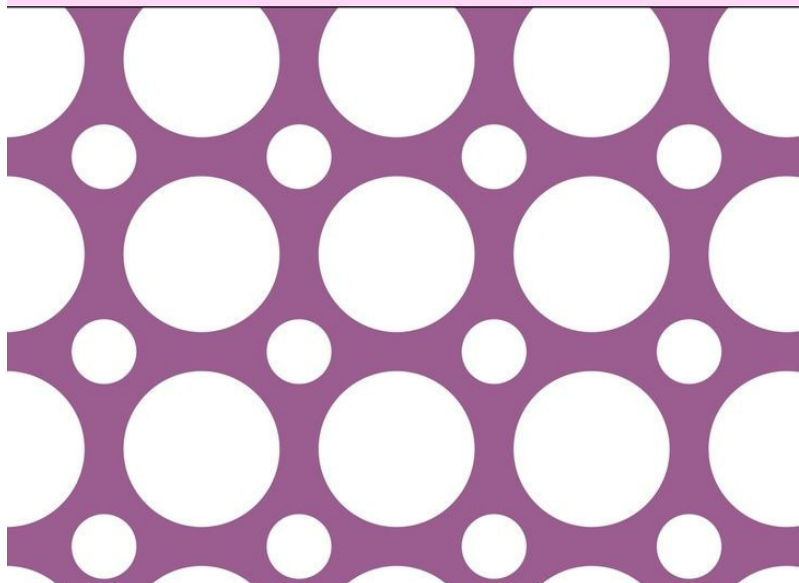

18+

Ли В Б

Я меняю мир

Книга 1. Выбор пути

Ли В Б
Я меняю мир. Книга
1. Выбор пути

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23577709

ISBN 9785448399848

Аннотация

Молодой ученый попадает в параллельный мир. Возрождение новой личности. Герой принимает священный Дар и высшее предназначение. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	42
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Я меняю мир

Книга 1. Выбор пути

Ли В Б

© Ли В Б, 2017

ISBN 978-5-4483-9984-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

День не задался с утра. Проспал, перед сном зачитался и уснул, забыв включить будильник. Дома я один, жена с детьми уехала на месяц к родителям в свой родной городок, проводил их вчера на поезд. Сам остался в городе, отпуск у меня по графику только в октябре, летние месяцы заняли сослуживицы и старшие (по возрасту и чину) коллеги. Работаю в отраслевом НИИ автоматике и приборостроения младшим научным сотрудником уже третий год, в нашем отделе все еще считаюсь молодым, хотя мне уже двадцать семь, есть и помладше.

Нужно кого-то отправить в командировку, встретить гостя, вести на объектах контрольные обследования – я первый кандидат. Не могу отказать своему руководителю или коллегам, хитрить, искать какие-то отговорки. Вести же порученную работу спустя рукава, как советуют доброхоты, мол, так скорее отстанут от тебя, также не по мне, совесть не позволяет. Но никому не жалею, даже жене, только она иной раз ворчит, что на мне ездят все кому не лень.

Смотрю на будильник: уже девятый час! Рабочий день начался. Звоню в отдел, попадаю на заведующего, Валерия Яковлевича. Не став выдумывать какое-то объяснение, так и говорю, что проспал, вечером отработаю. Зав ворчит для виду и соглашается, ко мне он относится благосклонно, я

к нему тоже, с полным уважением за его компетентность и доброту. Завтракаю, спокойно собираюсь. На пути к остановке автобуса вспоминаю, что забыл ключи от шкафа и сейфа. Приходится вернуться. Моя рассеянность постоянно доставляет мне лишние хлопоты и неприятности. Уж стараюсь все подготовить заранее, даже пишу себе записки-напоминания, но иной раз все равно что-то упускаю.

На подходе к остановке вижу свой автобус, бегу к нему и не успеваю, в считанных метрах от меня он уходит. Следующего приходится ждать минут двадцать, хотя интервал между ними по расписанию десять минут. Автобус переполненный, кое-как втискиваюсь в него, держусь одной ногой на подножке, другую некуда поставить, везде чужие ноги.

Доехал к институту с грехом пополам, одна сварливая женщина даже отчитала меня на весь автобус, что я своим портфелем зацепил ее колготки. Извинился, прижал портфель к груди, так и держал его всю дорогу на весу. На входе в институт попался на глаза кадровичке, она с представительницей месткома записывала фамилии опаздывающих. Время от времени отдел кадров проводит подобные рейды, а потом приказом накладывает взыскание, чаще лишает премии. Дернулся обратно на выход, кадровичка окликает:

– Евсеев, вернитесь!

Делать нечего, пришлось идти на заклатие, пеняя себя на невнимательность. Надо было, коль опаздываешь, идти через лабораторию соседей на первом этаже, у них свой вы-

ход во двор. В отделе доложилась заву о своем приходе, а потом «обрадовал», что попался на входе. Выслушал от Валерия Яковлевича нелестные отзывы о моей сообразительности:

– Сережа, что, ума не хватило, куда же поперся! Хуже малого дитя! Теперь отдувайся за тебя на планерке, – бушевал заведующий, лицо его даже побагровело от досады.

Молчу покаянно, мне нечем оправдать свою оплошность. Ему теперь достанется от руководства, с трудовой дисциплиной у нас очень строго. Выговорившись, Валерий Яковлевич только махнул рукой – иди, работай. Прошел в общий кабинет отдела, поздоровался со всеми. Ко мне тут же подошел Геннадий Николаевич, самый старший в отделе, ему за пятьдесят. Подал мне папку с бумагами и попросил:

– Сережа, посмотри, пожалуйста, мои расчеты, что-то у меня не сходится. Вроде выборка достаточная, эксперименты провели чисто, отклонения в пределах допуска, а результат ни к черту!

Он, как и я, руководитель группы, вместе со своими подопечными проводит испытания разработанного ими прибора. Математическая база у него слабая, хотя как экспериментатор спец хороший, чувствует «железо» интуитивно, редко ошибается. Я не раз помогал ему с теоретическими выкладками, он в свою очередь услуживал мне с проведением опытов, настройкой аппаратуры, так что наше сотрудничество взаимно полезное.

Взял у него материалы, прошел в свой закуток, огороженный тоненькой перегородкой маленький кабинет. Здесь нас трое, со мной помощники – инженер Сергей Обыскалов, молодой специалист, два года назад его направили к нам в институт по распределению, и лаборантка Леночка. Пришла к нам после школы, не хватило баллов для поступления в институт. Девушка аккуратная и старательная, с заданиями справляется сносно, но и не хватает с неба звезд, ей приходится разъяснять едва ли не на пальцах, пока все не поймет.

Проверил у помощников результаты их работы, похвалил, кое-что скорректировал, они занялись дальше нашими экспериментами. Бегло посмотрел расчеты Геннадия Николаевича, быстро нашел его ошибку – перепутал с эпюрой напряжений, сам пересчитал, записал пояснения и вернул старшему товарищу. Дальше занялся уже своими делами – анализом опытных данных, их экстраполяцией, побывал на экспериментальном участке института, там по нашему заказу изготавливают макет установки для следующих исследований.

Так и прошел день, я, как и обещал Валерию Яковлевичу, задержался на работе еще на два часа после ухода коллег, все равно мне спешить некуда, дома никто не ждет. Уже после восьми вечера убрал всю аппаратуру в сейф, прибрался на столе, закрыл отдел и отправился домой. Решил немного пройтись пешком, вечер приятный, дневной зной уже спал, так не спеша дошел до городского сквера, присел на свободную лавочку вдоль аллеи. Расслабился, закрыл глаза, стара-

ясь отрешиться от всех мыслей и хлопот.

Глава 1

Из забытья меня вернул болезненный удар по ноге, последовавший затем полный злости голос:

– Ты чего тут расселся, чмо! Еще кости раскинул!

Неожиданный переход от приятной неги к жесткой реальности ошеломил меня, я на несколько секунд застыл в оцепенении, пока повторный пинок в голень не вывел меня из ступора. Открываю глаза, вижу в начинающих вечерних сумерках стоящих передо мной троих ребят лет 17—18. Один из них, по-видимому, вожак шайки, наклонился надо мной, от него идет зловоние немытого тела, приторный запах травы, на худощавом лице блестят выпученные глаза обкурившегося наркомана. Он легко поднимает меня с лавки за ворот рубашки, видно, силой его природа не обделила, затем, смотря в упор в мои глаза, продолжает выговаривать, цедя сквозь зубы каждое слово:

– Вам, гопоте татарской, сказано было, сюда не ходить. Сидите у себя в станице, пасите своих алкашей и бичей, телок трахайте. А здесь реальные пацаны окучивают, не чета вам. Тебя, баран, за косяк маленько порежем, будет вашим наука.

Бандит отпустил одну руку, полез ею в карман, по-видимому за ножом. За ту минуту, пока он вел свою «феню», я смог хоть как-то прийти в себя. Что случилось, кто эти лю-

ди, разбираться буду потом, сейчас надо спастись, любым путем. Я чувствовал, что слова главаря не пустая угроза, зарезать человека для него обычное дело. Боец я не ахти, точнее сказать, вообще никакой. Дрался редко, старался миром решать конфликты, в последний раз довелось руками махать в далекой юности, если не детстве. Но все же самые простые приемы знал, воспользовался одним из них, пока бандит ослабил хватку.

Схватил обеими руками его кисть, держащую меня за ворот, отступил на шаг назад, одновременно выкручивая ее на излом. Потянул обидчика за собой, а затем ударил всей ступней в его колено. Он упал от боли, отпустив меня, я тут же развернулся и задал стрекача. Устраивать драку с тремя, пусть и обкуренными, уголовниками, не стал, слишком большой риск напороться на нож. Через минуту бега остановился, не слыша шума от преследователей, и оглянулся. Оба подельника склонились над своим вожаком, все еще лежащим на земле, даже не попытались догнать меня. Скорым шагом покинул сквер и направился в сторону ближайшей остановки. Искать новых приключений мне расхотелось, тем более, что наступала ночь.

После встряски в сквере не сразу обратил внимание, но как-то подсознательно пришло чувство, что вокруг что-то не так. Остановился от беспокойства, стал оглядываться. Да, точно, многое другое – дома, деревья, даже улица не такая, как я привык видеть ее каждый день. От асфальта на проез-

жей части до рекламных щитов, не вижу знакомых магазинов, кафе, фасады зданий тоже отличаются. Такое впечатление, что вовсе в другом городе, но нет, немало и прежнего, приметные отсюда высотная гостиница, магазин «Юбилейный», ТЮЗ. Не могу понять, что случилось, то ли со мной что-то не так, брежу, то ли в действительности вокруг неизвестным, даже фантастическим образом произошли перемены. Замечаю, что и одежда на мне другая, вместо голубой рубашки и летних брюк – замызганная старая рубашка неопределенного цвета и вздувшееся пузырями на коленях спортивное трико, на ногах разбитые кроссовки, нет моих фирменных туфель.

В голову невольно приходит мысль, навеянная книгами о попаданцах в другие миры, которыми я зачитывался каждый вечер. Может и со мной случилась такая невероятная история, попал в параллельный, отличающийся от нашего? Вроде взрослый человек, у самого уже дети, но все еще в глубине души живет вера в чудеса, и вот сейчас я почти готов был принять самое невообразимое – а вдруг? У первого магазина с зеркальными витринами украдкой, стараясь не привлекать внимание нередких прохожих, пытаюсь разглядеть себя. Хоть небольшое успокоение, вижу в зеркале себя, только намного моложе, где-то около 17 лет.

У меня не осталось сомнений – я в другом мире! Во многом подобном моему прежнему, но все же отличающемуся. Вспоминаю слова бандита в сквере, поминающего татар,

но во мне ничего татарского нет. А потом дошло, он имел в виду наш микрорайон, Татарку, где я жил с родителями до переезда в собственную кооперативную квартиру. Ее мне дали в институте в прошлом году как семейному сотруднику с двумя детьми. А станица – это соседний с нами микрорайон Малая станица. Думаю, мне надо возвращаться в родительский дом, вряд ли в этом мире есть мой новый.

Проверил карманы, что же у меня есть полезного. Кроме 2 рублей и мелочи, нашел связку ключей, по-видимому, от дома, несвежий носовой платок и упаковку презервативов. Сигарет не оказалось, я в своем мире до поступления в институт тоже не курил. Как подумал о них, тут же захотелось затянуться, но переборол себя, постараюсь обойтись без курения в новом мире, коль мне предстоит жить в нем.

Удивился себе, я уже примирился с фактом своего переселения, нет сожаления о прошлой жизни, щемящей сердце боли от потери самых близких мне людей, как, казалось, должно быть, только легкая грусть по оставшейся на той стороне жене и детям. Даже в командировках я испытывал больше беспокойства о родных, считал каждый день до возвращения к ним. Да и о себе самом, что же там случилось с моим прежним телом, какая беда, коль мое сознание здесь, особо не расстраивался. Наверное, произошло раздвоение души, одна половина попала сюда как с чистого листа, без печали о прошлом, а вторая осталась в родном обличье, продолжает жить как прежде. Не буду попусту гадать, надо ехать домой,

у меня теперь новая жизнь.

Пока добирался в полупустом автобусе, все раздумывал о происшедшем и увиденном, сравнивал с прежним. Здешний мир даже с первого взгляда заметно отличается от привычного мне. Можно сказать, более неустроенный и жестокий, у нас представить было нельзя, что среди бела дня, да и ночью, можно напасть на кого-то, угрожать и тем более применить смертельное оружие. Случались разборки с драками, но без такой немотивированной агрессивности, да и с наркоманами держали под контролем, милиция не давала спуска хулиганам. Люди спокойно гуляли по ночным улицам, не боясь нападения и других угроз своей жизни. Мне придется как можно скорее свыкнуться с принятыми здесь нравами, пусть и не перенять, но приспособиться к ним. Понимаю, что мое добродушие может доставить немало проблем, ломать свою природу будет трудно. Но иного выбора не вижу, мне придется тоже стать жестким, в определенной мере, но не ожесточиться, уважения к себе терять нельзя.

Прислушался к себе, попытался найти какие-нибудь отголоски мыслей и эмоций прежнего хозяина этого тела, но напрасно, только собственные ощущения. Не беда, положусь полностью на себя, думаю, найду выход из создавшейся ситуации своими силами, без чьих-либо подсказок, только вначале надо собрать максимум информации от окружающих, но не подставляя себя. Раздумываю, как же объяснить другим незнание самых простых вещей, как и перемены в мо-

ем поведении. Можно сослаться на потерю памяти, но инстинкты и подсознательные действия ведь ею не оправдаешь, а они будут отличаться, уверен в этом. Походка или манера держать себя, привычки, язык, да и многое другое, что сразу выдадут меня, совершенно чужого для всех. Так и не нашел подходящего решения, махнул рукой, пусть будет так, как получится, а там посмотрим, что можно предпринять.

Родительский дом я нашел сразу, он на том же месте, что и прежний. Добротный пятистенник, выстроенный еще дедом, с крепким срубом, высокими стенами, фундаментом и чердаком. Перед дощатыми воротами два дерева – дуб и карагач, которые я облазил с детства, едва научившись ходить. Калитка рядом с воротами закрыта, я привычно просовываю руку сбоку через штакетник, убираю щеколду и захожу во двор. Ко мне бросается крупная собака, прижимается к ноге. Я не успеваю напугаться, руки сами обнимают и гладят ее, хотя не узнаю, у нас прежде такой не было. После поднимаюсь на крыльцо, открываю дверь, она не заперта. Уже в сенях слышу голос матери, захожу в комнату и вижу родителей, отец за столом, мама у плиты с половником, наливает суп в чашку.

Едва завидев меня, мама тут же указывает:

– Сережа, мой руки, садись кушать.

Мать у меня боевая, любит командовать. Даже отец, крупный, на голову выше мамы, ростом я в него, основательный мужик в самом расцвете сил, зачастую уступает, стараясь ей

не перечить. Но если уж закусит удила, то между ними разгорается нешуточная перепалка, доходящая иногда до драки. Чаще по инициативе мамы, может сторяча огреть скалкой или чем ни попадя под руку. Сейчас она опять заведенная, выговаривает папе, он, оказывается, пропил сегодня зарплату, принес домой едва ли половину. Приглядываюсь к отцу – точно, пьяный, даже сидя покачивается. Вид у него жалкий, кажется, даже ростом стал намного меньше, весь скрутился. Я не узнаю обычно уверенного в себе и серьезного в прежней жизни родителя, он здесь совершенно иной, лицо как у завязного алкоголика – опухшее, красное, синюшный нос, глубокие морщины на лбу и под глазами, старящие его.

Отец сидит молча, опустив голову. Видно, чувствует вину и жалеет о своей слабости, но не может ее перебороть. Мама наконец замолкает, садится с нами кушать. После вспоминает обо мне и принимается отчитывать уже меня.

– Сережа, я тебе русским языком велела сидеть вечером дома! Опять умотал к друзьям своим колобродить? Мне сегодня участковый сказал, если не перестанешь водиться с ними и хулиганить, то посадит тебя в кутузку на трое суток, чтоб неповадно было! Вот зачем вчера ошмонали пьяного Кирея и куда дели его деньги? А если так с твоим отцом поступят, алкашом несчастным? О, Господи, за что мне такое наказание, муж алкаш, сын бандит, тюрьма по нему уже плачет! Школу кое-как закончил, на одни тройки, работать не хочешь, что же с тобой будет?!

Да, интересные тут дела, не только с отцом иначе, но и я сам, вернее, мой предшественник, тоже не лучше, та еще оторва! Надо срочно менять картину, да и есть оправдание изменению своего поведения, можно сказать, взялся за ум. Смотрю матери в глаза и заявляю:

– Мама, обещаю, теперь все будет по другому. Завтра же пойду с папой на его работу, попрошу принять меня, заодно присмотрю за ним. И буду учиться, подготовлюсь на вечернее!

За столом настала полная тишина, мама уставилась на меня не верящими глазами, отец тоже, подняв свою забубенную голову. Через минуту мама пришла в себя, с недоверием переспросила:

– Пойдешь работать? Будешь учиться?

После моего подтверждения, все еще сомневаясь, перекрестилась со словами:

– Господи, благодарю тебя! Услышал ты мои молитвы, наставил на путь истинный мою кровиночку!

Прежде я не замечал у матери такой набожности, наверное, домашние неурядицы повлияли. После она обратилась ко мне:

– Сереженька, только прошу, не поменяй свое слово, даже если дружки пристанут к тебе. И не водись с ними больше, до добра они тебя не доведут!

Успокаиваю мать:

– Да, мама, я знаю. И не бойся, слово мое твердое, что

сказал, то и будет.

На такой ноте закончился столь важный для меня разговор, изменивший многое в нашей семье.

Спал я в той же комнате, что и раньше, только один, без старшего брата, Коли, он сейчас в армии, осенью должен вернуться. Было такое чувство, что я вернулся домой после долгого отъезда, пусть мама и папа не совсем такие, как мне помнится, я люблю их, как и они меня. Обещаю себе, не только матери, я сделаю все возможное, но помогу родителям справиться с выпавшими бедами. С этой мыслью заснул, а утром встал, не разлеживаясь в постели лишнюю минуту, как только мама разбудила меня:

– Вставай, Сереженька, тебе с папой на работу!

Быстро собрался, сходил во двор, а затем позавтракал с отцом, он больше пил рассол, снимая похмелье после вчерашнего загула. Насколько мне стало ясно, такое состояние у него хроническое, каждый вечер после работы принимает горячительное с собутыльниками. Хорошо еще, что не дошел до запоев и прогулов, иначе выгнали бы с работы, а так пока еще держат. Мастер он неплохой, столяр пятого разряда в ДОКе, дерево-обрабатывающем комбинате. После завтрака мама собрала нам тормозок с обедом, отдала мне в пакете мои документы – паспорт, приписное, школьный аттестат. Взял еще с собой рабочую одежду, после пошли на остановку автобуса, ехать нам через полгорода.

В ДОКе мы с отцом сразу зашли в отдел кадров, он обра-

тился к сидящей у перегородки женщине средних лет просительным тоном:

– Людочка, вот привел к нам своего младшего. Оформь его, будь добра, в наш цех, будет у меня учеником. Он закончил школу только что, восемнадцати еще нет.

Кадровичка внимательно посмотрела на меня а потом ответила отцу:

– Ладно, Витя, оформлю, может, ради сына возьмешься за ум, перестанешь пить. Мне Катю жаль, сколько ей мук доставил, ирод ты бессовестный! Только смотри, не порти сына, а то и его приучишь к зелью проклятому!

– Да что ты говоришь, Людочка, разве я пожелаю сыну такую беду? Сам мучаюсь, но ему ни в жисть, грамма не дам! – отец со всего маха стукнул себя в грудь, от испытываемых чувств он даже побледнел.

– Это ты пока трезвый, так говоришь, а как шары зальешь, весь ум в стакан уходит! Ладно, оставляй сына, буду оформлять его.

Отец суетливо рассыпался в благодарности, потом сказал мне, выходя из кабинета:

– Оформись, сразу иди ко мне.

Я пробыл в кадрах с полчаса, потом носился по кабинетам и к начальнику сборочного цеха, прошел инструктаж, уже к десяти часам приступил к работе у отца. Он собирал из заготовок окна и двери, проемы для крупнопанельных домов, подгонял, выравнивал, а потом сдавал на отделку в соседний

участок. Работа шла полным ходом, по цеху шел гул от станков, кранов, погрузочной техники, криков рабочих. Прежде мне не приходилось иметь дело с промышленной деревообработкой, да и с производством также, можно сказать обо мне, кабинетный работник. Но я настроился научиться делу и помочь родителям, так что с полным усердием приступил к своей первой службе в новом мире. Сначала на подхвате у отца, носил ему заготовки, отвозил на тележке готовые блоки, а к концу дня сам выполнял самые простые сборочные операции. Отец даже похвалил, у меня для начинающего столяра получилось неплохо.

Как несовершеннолетний я мог завершить работу на час раньше, но, несмотря на усталость – вымотался за этот день, остался до общего окончания смены. Вместе с отцом убрались на участке, после приняли душ, переоделись в чистое и вышли за ворота комбината. Здесь нас, вернее, отца ждали двое, судя по их испитым лицам, его собутыльники. Один из них покрупнее, выше нас с отцом, второй поменьше, сухой, жилистый, с наколками на руках. Отец поздоровался с ними за руку, назвал им меня, а потом сказал, что сегодня не может остаться, надо идти домой с сыном. У алкашей и без того красные лица еще больше побагровели, тот, что повыше, заговорил, запинаясь от возмущения:

– Он, что, сос-сунок, с-сам не мож-жет дойти? Ты ему еще ти-и-тьку дай! Все, Ви-и-тька, хватит дур-рюю маяться, по-шли к Ваньке на ха-ату, у него сейчас баб-бы нету, ум-мо-

тала. Возьмем у Маньки бра-а-жки, а то тру-у-бы горят!

Второй подхватил за ним:

– Витек, ты че, в самом деле, корешей не уважаешь? Баб и салаг слушаешь? Ты мужик и мы мужики, на остальных нам наср... ть! Не выеб... ся, примем маненько, сразу будет нормалек!

Отец как-то растерянно обернулся к мне, видно, что принятый за день настрой потихоньку покидает его, он уже почти готов пойти с собутыльниками. Решил вмешаться в «содержательный» разговор старших, попробовать отпугнуть алкашей. Спокойным тоном выговариваю отцу:

– Хочешь, папа, иди с ними, если мы ничто для тебя не значим. Но знай, я сейчас пойду к своим друзьям, с ними приду на вашу хату, порежем на кусочки этих бухариков, а после подожжем, никто ничего не докажет, от вас только косточки останутся. А если поймают и пойду в тюрьгу, то все равно, когда выйду – буду давить вас, алкашей, как гниду, за погубленную жизнь мамы. А теперь, папа, решай, с кем ты.

Первый алкаш вскинулся:

– Ты что сказал, салага, пугать нас надумал? Да я тебя сейчас, своими руками задушу!

У него от злости даже заикание пропало, полез руками к моему горлу. Одной рукой отвел их в сторону, другой рукой ребром ладони со всей силой ударил по шее, в область яремной вены, затем стопой по колену. Алкаш упал, задержался, а затем затих, потерял сознание. Этот прием мне пока-

зал Серега Обыскалов, до института служил в десанте. Меня он привлек тем, что обходился без риска случайного убийства жертвы, как другие, только выводил на время из строя. Отец и второй собутыльник застыли, выпученными глазами смотря на меня, а потом на лежащего подельника. Видя не подающее признаков жизни тело своего кореша, алкаш наклонился к нему, потрогал, а потом завопил:

– Сука, ты Петьку замочил! – и бросился с кулаками на меня.

Его остановил отец, обхватив за плечи:

– Да жив Петька, вон, смотри, шевелится!

Тот вновь посмотрел на своего начинающего барахтаться собрата, стал помогать ему стать. После, когда пострадавший более-менее пришел в себя, посмотрел с ненавистью на меня и проговорил:

– Гаденьш, не жить тебе больше.

Как и раньше, спокойным тоном отвечаю:

– Если не отстанете от отца, зарежу обоих!

Петька сиплым после удушья голосом проговорил:

– Ванька, хрен с ним, ты видишь, он псих, убьет ни за понох. Пошли отсюда.

Так они вдвоем, поддерживая друг друга, ушли, не оглядываясь на нас. Отец долго смотрел за ними, пока не скрылись за углом, а потом спросил меня:

– Ты что, Сережка, и в самом деле убил бы их?

Уже без прежнего напряжения отвечаю:

– Не знаю, папа. Но если нужда заставит, то все возможно, за вас с мамой никакую мразь не пожалею.

Отец только покачал головой, так молча добрались до дома. Матери не было, не вернулась еще со своей кондитерской фабрики. Через час отец отошел, стал говорить со мной на нейтральные темы, но в его голосе все еще проскальзывали настороженные нотки, чувствуется, я его тоже напугал немало. Маме мы по молчаливому согласию не стали рассказывать о стычке с алкашами, только о моей новой работе. Отец похвалил ей меня, руки на месте и растут как надо. Маму еще обрадовало, что отец пришел трезвый, я заметил в ее смотрящих на меня повеселевших глазах признательность, она весь вечер ходила, даже летела как на крыльях, смеялась, и у всех нас осталось чувство праздника в нашей семье, тоже улыбались, разделяли радость мамы.

Глава 2

В этот вечер я никуда из дома не уходил, после ужина занялся уборкой во дворе, а после на небольшом огороде окучивал и полил взросшую рассаду, натаскал еще воды из уличной колонки, залил до краев опустевшие бочки. Мать мой трудовой энтузиазм поразил, не раз замечал ее удивленный взгляд, когда она выходила из дома, но ничего мне не сказала. Вслед за мной вышел во двор отец, принялся за ремонт покосившейся ограды. Судя по невзрачному состоянию придомового хозяйства, ранее он не удосуживался подобными заботами, запустил до обветшания. Да и прежний Сергей, по-видимому, не очень радел о порядке дома, разве только по принуждению матери. Уже стало смеркаться, когда мы с отцом закончили работу во дворе, искупались под душем, а потом вместе посидели на кухне за чаем с пирожными и шоколадом, мама принесла их со своей фабрики.

После, у себя в комнате, перебрал вещи Сергея, вчера как-то не до того было, после нервной встряски, почти сразу лег спать. Просмотрел одежду в двустворчатом шкафу – два костюма, выходной и повседневный, сменные рубашки и брюки, чистые и отутюженные. Непонятно, почему же мой предшественник оказался в сквере, в центре города, в том за-трапезном виде, в каком я сменил его. Создается впечатление, что он гулял по своему району, а потом неожиданно для

себя умотал к месту нашей встречи. Можно предположить какое-то провидение, подготовившее замену, только зачем, с какой целью, не ясно. Или, может быть, сказалась молитва матери, ее отчаяние по своему непутевому сыну. Ладно, примем как данность, коль так повернулась судьба.

Продолжил дальше осмотр, на столе у окна кассетный магнитофон, рядом стопочкой сложены кассеты. Просмотрел их, в основном блатные песни – Северного, Вольного, Медяника, а также Высоцкого, Шуфутинского, Новикова. Из зарубежных записи ABBA, Boney M, Modern Talking, незабвенного The Beatles. Да, вкусы у нас различаются, я больше любитель лирической и бардовской музыки, романсов, легкого поп-рока. На книжной полке учебники за 9 и 10 классы, несколько книг классиков из школьной программы, пара детективов. Видно, книги – не самое любимое занятие прежнего Сергея, о его предпочтениях говорят наклеенные на стену плакаты, вырезки из журналов с изображением накачанных суперменов, обнаженных красоток, роскошных автомобилей и вилл. Мечты о красивой жизни и реальное уголовное будущее моего предшественника вполне очевидны мне, принимаюсь менять их прямо сейчас.

Аккуратно убираю всю настенную живопись, складываю в мусорный пакет. Чувствую облегчение, как будто снял с себя что-то наносное, ненужное, противное душе. Сложил разбросанные по комнате носки, майки, платки, другую мелочь, грязное отдельно на стирку, протер везде мокрой тряпкой,

убирая застоявшуюся пыль. В очередной раз укоряю Сергея, с аккуратностью у него тоже не ладно. Приходит мысль, а что же в нем было хорошего, или мне за все придется нести ответ, мало ли что он не натворил. Да, могут быть проблемы из-за его проступков, но не стал заморачиваться с ними, время покажет. Просмотрел книжки на полке, выбрал одну из них, почитал немного перед сном. У меня самого сложилась такая привычка – обязательно что-нибудь прочесть на ночь. Иногда она подводит с особо захватывающей книгой, пока не закончу – не могу оторваться, а утром встаю с великими муками.

Разбудила меня уже привычно мама, собрались с отцом не спеша, приехали в комбинат загодя, за полчаса. Переоделись, отец в компании таких же в возрасте рабочих устроился в курилке, обсуждая с ними свои дела. Я еще вчера обратил внимание, что молодых в цехе почти нет, кроме меня еще двое. Ко мне они интереса не проявили, набиваться к ним на знакомство тоже не стал. Пока родитель перекуривал, сам принялся готовить инструмент и другие принадлежности для работы. День прошел как и вчера, отец показал новые операции, я за ним старательно повторял, а потом справлялся уже сам. Обедали здесь же, в бытовке цеха, подогрел на плитке суп и котлеты, покушали за обе щеки, готовит мама очень вкусно.

В оставшееся время обеденного перерыва отец сел с другими работягами «забивать в козла», за соседними стола-

ми играли в нарды и шахматы. Смотрел за игрой старших, но сам не вмешивался, хотя иной раз подмывало подсказать лучший ход. В нашем отделе тоже хватало любителей шахмат, устраивали турниры на нескольких досках, а вокруг болельщики подзуживали игроков, повторяя крылатые слова из «Джентльменов удачи»:

– Лошадью ходи, лошадью, век воли не видать!

Я тоже участвовал в шахматных баталиях, хотя всерьез теорией и прочими премудростями древней игры не занимался, больше для удовольствия. Лучшие из нас показывали совсем неплохую игру, на уровне первого разряда, команда отдела занимала первые места по институту. У цеховых шахматистов уровень, конечно, не тот, можно сказать, дворовый, но играли с душой и азартом, громко выражали радость победы или огорчение при «зевке», хорошо еще, что без особой обиды на противника.

После перерыва до конца дня работа шла уже налаженным образом, я даже меньше устал, чем вчера. После, когда мы вышли за ворота комбината, отец замялся, смущенно сказал:

– Сережа, давай зайдем в пивнушку, выпью пару кружек, а то ломит меня сухота. Если хочешь, иди домой, а я сам потом доберусь.

Понимаю состояние отца, за несколько лет регулярного и частого приема горячительного, особенно в последнее время, он уже стал алкоголиком, пусть и не в самой запущенной форме, бросить пить ему трудно. Надо помочь ему справиться-

ся с бедой, главное, он сам хочет перебороть себя, но воли не хватает.

– Хорошо, папа, только пойдем вместе. Две кружки, ты сам сказал. Если дальше захочешь пить или чего покрепче, то поведу тебя домой, хоть на себе, но больше не дам. Согласен, папа?

Отец вздыхает, явно осознает, что сам не остановится на сказанной норме, а потом соглашается с горечью, ему стыдно передо мной:

– Ладно, сынок, только перед людьми не позорь, сам выйду.

– Хорошо, папа, – соглашаюсь я и продолжаю: Если тебе трудно бросить, то можем поехать в наркодиспансер, там помогут тебе или закодируют.

Немного подумав, отец отвечает:

– Нет, Сережа, давай сам попробую завязать. Если не смогу, тогда и поедем.

На этом оставили болезненную для родителя тему, направились в ближайшую пивнушку, там давали пиво на разлив. По пути зашли в магазин, купили пачку сушеных креветок, я себе взял бутылку лимонада, в многолюдной пивной отстояли очередь, с двумя кружками пенящегося напитка отошли к освободившемуся столику. Было интересно смотреть на отца, когда он с видимым блаженством сделал первый глоток, а потом махом влил себя пол-литра, как мучимый жаждой путник в пустыне. Вторую кружку он смаковал глотками, за-

кусывая криветками, я же рядом понемногу пил свой лимонад, на предложение отца взять и мне пиво отказался, особой тяги к нему у меня нет.

К нам подходили знакомые отца, говорили о чем-то, кто-то из них вытащил бутылку водки, предложил «ерша», смешать пиво с водкой, отец мужественно, терзаясь искушением, отказался. После того, как выпил вторую кружку, минуту задумчиво держал ее в руках, потом решил, положил на стол и сказал мне:

– Все, пошли домой.

Понимаю, как непросто было отцу пересилить себя, но он сделал первый шаг, пусть даже под моим давлением. Ободряюще прикоснулся к его руке, он слабо улыбнулся и направился к выходу, я за ним. Дома мы застали маму, она тут же насторожилась, почуяв привычный запах, но я успокоил ее, папа выпил только пару кружек пива, сам пошел домой. Она все же высказала вслух свое опасение, обращаясь ко мне:

– Сереженька, не дай отцу снова начать, пожалуйста, проследи за ним.

– Мама, не бойся, – отвечаю ей, – папа сам решил завязать. Если будет нужно, то пойдем к наркологу, но попробуем сами. Я помогу, прослежу, все будет хорошо.

Когда мы ужинали, с улицы раздался короткий свист, повторившийся через несколько секунд. Оба родителя встревоженными взглядами посмотрели на меня, после мама осуждающим тоном выразила их беспокойство:

– Заявились, твои дружки!

А потом с надеждой спросила:

– Сереженька, ты же не будешь с ними больше дружить?

Ты же обещал!

– Да, мама, не буду. Пойду, разберусь с ними.

Не торопясь, не показывая своего беспокойства, встаю из-за стола и выхожу во двор. Здесь остановился, собираю свои мысли и чувства в кулак, мне сейчас предстоит серьезное испытание. Прошлое прежнего Сергея, его окружение, дела и «подвиги» будут давить на меня, но я должен выстоять, не ломаясь под их понятия и нравы. Все встревоженные чувства подсказывают, что схватка будет трудной, даже опасной, без каких либо правил чести, надо ожидать любой подлости, подставы.

Собравшись, подхожу к воротам, вижу за ними двоих ребят моего возраста и девушку. Узнаю их из прежней жизни, Яшку Костина и Димку Ларина, моих бывших одноклассников, они и тогда слыли отпетыми хулиганами, водились с уголовниками. Видеть с ними Наташу Азарову мне странно, хорошая и серьезная девушка, я в нее одно время, в восьмом классе, был даже влюблен. Как же она оказалась в не лучшей компании, для меня загадка, но ведь и я сам, вернее, мой предшественник, тоже далеко не безупречный.

Вышел к ним на улицу, поздоровался, с ребятами за руку, Наташе кивнул головой. Яша, невысокого роста крепыш, тут же наехал на меня, требовательным тоном задавая во-

прос:

– Серый, ты почему вчера не пришел на кичман? Мы разбирались с нижними, а тебя нет!

Что за кичман, кто это нижние, с чем разбирались – не представляю, в мое время подобного не было. Но что бы ни значило, мне не нужно, стараясь казаться спокойным, отвечаю:

– Ребята, я завязал с такими делами, больше на меня можете не рассчитывать.

Оба дружка вытаращились на меня круглыми от удивления глазами, потом тот же Яша, он, по-видимому, заводила, переспросил недоуменно:

– Завязал, как, почему?

– Да, совсем. Так надумал, буду своей головой жить.

– Но, Серый, ты же с нами в одной завязке, в шалмане Ваньки Резанного! Ты ему сказал?

– Нет и не собираюсь, я ему ничего не должен.

– Это ты сам ему скажи, посмотрим, какую ты ответку получишь!

– Все, ребята, я вам сказал, дальше толочь не буду. Бывайте здоровы!

Яшка и Димка, высокий и худощавый юноша, молча стоявший рядом с нами, развернулись и, не прощаясь, пошли прочь. Наташа осталась, все еще смотря на меня в упор не верящими глазами. А потом встревожено сказала:

– Сережа, я боюсь за тебя! Они же могут что угодно, даже

убить!

Не совсем понимая ее беспокойство, вроде между нами прежде близких отношений не было, все же отвечаю успокаивающе:

– Не стоит. Не на такого напали, шестерить, под них ложиться не буду.

А потом спрашиваю девушку:

– Ты то как с ними здесь оказалась?

Наташа недоуменно отвечает:

– Сережа, ты же не пришел ко мне позавчера и не позвонил. Я вчера прождала, а сегодня сама пошла к тебе, здесь и встретила этих недоумков. И как ты раньше с ними водился, я тебя ведь не раз просила порвать с ними! А теперь мне страшно!

Совершенно неожиданно для меня девушка прижалась ко мне и обняла, я невольно тоже обхватил ее хрупкие плечи руками, а когда Наташа подняла голову, подставляя губы для поцелуя, прикоснулся к ним своими. Проскакивает мысль, что в этом мире мы намного ближе, но она отторжения не вызывает, напротив, чувствую влечение к симпатичной девушке, уже в полную силу прижимаю ее к себе и целую страстно, в засос. Через долгое время Наташа отталкивает меня своими ручками, проговаривая:

– Сережа, на нас смотрят! Пойдем ко мне домой, там нам не помешают!

Охваченный желанием близости, убегаю домой, быстро

переодеваюсь, беру с собой пару упаковок презервативов, на кухне прихватываю коробку шоколадных конфет, на ходу говорю обеспокоенной маме: – Я к Наташе, – и выхожу к ждущей на улице девушке, зайти к нам она постеснялась. Живет моя подруга недалеко, через две улицы, вскоре мы уже заходим к ней. Дома никого, родители Наташи на смене, будут только утром, так она сказала еще по пути. У нее своя комната, небольшая, по-девичьи опрятная и уютная. Один угол занимает широкая кровать, застеленная розовым покрывалом, у окна стол с двумя стульями, дальше шкаф, телевизор на тумбочке.

Едва успеваю заметить обстановку, захваченный страстью, обнимаю девушку, как только мы зашли в ее комнату. Не знаю, сколько времени мы простояли в объятиях, самозабвенно слившись в поцелуе. А потом принялся раздевать Наташу, бережно касаясь руками и губами ее нежного тела. Полностью обнажив подругу, укладываю ее на кровать, покрываю поцелуями от глаз до ногтей ступней, девушка уже стонет, тянется ко мне всем существом. Быстро снимаю одежду, рву упаковку и надеваю на свой напряженный орган презерватив.

Едва я вошел в ее влажное лоно, девушка зашлась в оргазме, обхватив руками и ногами, чуть слышным стоном выдавая рвущиеся крики. Через минуту она обессилено обмякла, закрыла глаза, на лице светилось блаженство и покой. Я мягко, едва касаясь губами, целовал ее губы, глаза, уши, пе-

решил к шее и высокой груди. Вскоре Наташа вновь глубоко задышала, обняла и прижала меня к себе, наслаждение обладания захватило нас, мы отдались друг другу всей юной страстью. Я уже не помнил, сколько раз мы сходились в поглощающем души соитии, только осталось, что мы дважды вставали с постели, не одеваясь, выходили на кухню пить чай с моими конфетами. Не утерпели и здесь, пока чайник закипал, еще раз повторили близость.

На улице уже настала ночь, когда мы оторвались друг от друга, на прощании условились встретиться здесь через два дня, когда у Наташиных родителей вновь будет смена. Домой я вернулся почти в полночь, родители не спали, тревожась за меня. На их обеспокоенное ворчание ответил радостным «все хорошо», а потом долго не мог уснуть, вспоминая прошедший вечер и наслаждение близости с подругой. Назвать Наташу любимой не могу, отношение к ней невозможно сравнить с тем всепоглощающим чувством, которое я испытывал к своей жене в прежней жизни. Можно считать нежностью, мне приятно видеть и чувствовать Наташу, но не более, тоски от расставания с ней не испытываю. На этой мысли я ухожу в сон, в котором вижу призрачный образ, приближающийся ко мне, смутно различимые черты женского лица, а потом призрак тает, я пытаюсь запомнить, сохранить дорогой мне образ... и просыпаюсь.

В доме тишина, родители спят. На улице только начинается рассветать, даже ранние пташки еще не проснулись. Ле-

жу и пытаюсь понять, что же мне привиделось. Тот смутный облик из сна мне совершенно не знаком, никто из девушек как в прежней, так и в нынешней моей жизни не схож с ним. Но почему-то сердце замирает при мысли о странной незнакомке, приходит интуитивное ощущение, что это она – моя половинка, избранница души, которую могу никогда не встретить. Невольно приходит грусть как по несбыточной мечте, искать ее среди тысяч и тысяч окружающих просто нереально. Если судьба решит свести нас вместе, то так тому и быть, с этой утешающей мыслью вновь уплываю в сон с тайной надеждой увидеть еще раз свою прекрасную музу.

Просыпаюсь, едва мама стала будить меня, меня переполняет чувство радости, что вот сейчас или совсем скоро наступит миг волшебного исполнения сокровенной мечты и жизнь станет сказкой наяву. Придерживаю свои расшалившиеся эмоции, заставляю себя заняться рутинными делами, но предчувствие будущего счастья не уходит, только становится волнующим фоном, дающим мне бодрость и уверенность в себе. Наступивший же день прошел обычным порядком, работа с отцом, потом совместное пребывание в пивной. Отец уже легче, сам справился со своей слабостью, после двух кружек без прежних сомнений отправился со мной домой.

Вечер я просидел за учебниками, вначале просмотрел бегло физику, математику, информатику и русский язык,

по этим предметам предстоит сдавать вступительные экзамены. Конечно, что-то уже забылось, но в основном мне с ними трудностей не должно быть, только надо посидеть с повторением. Завтра суббота, у меня выходной, собираюсь поехать в наш университет, узнать с экзаменами и подачей документов на вечернее отделение. Так с учебниками занимался до самой ночи, родители вокруг ходили на цыпочках, как же, их чадо само решило учиться, уж на такое чудо они не рассчитывали! Пару раз прерывался, выходил во двор, размялся там на турнике. Получилось неплохо, прежний Сергей поддерживал хорошую физическую форму.

Утром после завтрака собрался, взял у мамы документы и отправился в университет. Я немало думал над тем, какую выбрать будущую профессию. В своей прежней жизни она связана была с техникой, носила узкий прикладной характер, меня же больше привлекали фундаментальные исследования, поиск новых закономерностей. Теперь именно с ними решил связать новую жизнь, выбрал «Математическое и компьютерное моделирование», новую отрасль математических дисциплин, представляющую, как мне казалось, хорошую перспективу в будущем, на стыке математики и компьютерных технологий. Специальность только недавно ввелась в программу университета, но это меня не страшило, я сам немало времени увлекался именно подобным.

В приемной комиссии пришлось выждать немалую очередь, университет пользуется популярностью у абитуриен-

тов со многих краев страны. Когда дошла моя очередь и я передал секретарю свои документы, то она в первую очередь открыла аттестат. От моих оценок строгую даму даже пере-косило, она недоуменно посмотрела на меня и снисходитель-ным тоном проговорила:

– Молодой человек, с Вашими оценками знаний делать у нас нечего. Даже многие отличники не могут пройти кон-курс, а уж троечникам и подавно. Советую идти в какой-ни-будь технический ВУЗ, где конкурс поменьше, может быть, и сможете пройти.

– Извините, но я хочу поступить в университет именно на эту специальность. Если не пройду, то так тому и быть.

Недовольная, что ее советом пренебрегли, секретарь про-смотрела другие документы, которые я заранее подготовил, среди них справку о моей работе. Нехотя приняла их, запи-сала меня в журнал, а потом сказала, что экзамены на вечер-нее отделение пройдут в три потока и что я пойду с первым. Расписание экзаменов я узнаю в своем факультете, мне надо пройти в другой корпус. Поблагодарил недовольную секре-таря и отправился в нужный корпус.

Механико-математический факультет разместился в дру-гой стороне университетского городка, от главного корпу-са пришлось идти минут десять, затем искать деканат и там узнавать график экзаменов. Первый, письменный по мате-матике, будет уже через две недели, остальные через каж-дые три дня. Выписал себе в тетрадку дату и место экзамена,

прошелся еще по корпусу, с любопытством разглядывая коридоры, заглядывал в открытые аудитории. Первое впечатление осталось приятное, все солидно и основательно, просторные лекционные залы, хорошо оснащенные лаборатории и кабинеты.

Дома рассказал родителям о предстоящих экзаменах, поделился своими впечатлениями об университете. Мама, правда, заметила, что может мне поступать куда-нибудь попроще, но я отговорился:

– Ничего страшного, мама. Не поступлю сейчас, пойду на следующий год в армию, а потом посмотрим.

После мы с отцом до самого вечера ремонтировали крышу дома, перестелили кровельное железо, а то уже места ми стала протекать. После ужина собрался к Наташе, мои мечты о прекрасной незнакомке, не отвратили меня от плотских утех с заводной в постели девушкой, мне понравилась ее отзывчивость на мои ласки и фантазии. Предупредил маму о своем свидании и что, возможно, меня не будет всю ночь. Мама немного поворчала о нынешней молодежи, нет стыда у девушек, а потом махнула рукой, иди, мол, кобель, к своей подружке. Мама в принципе не против моих отношений с Наташей, девушка ей нравится, из хорошей семьи, дружной и работающей. Так высказалась вчера за ужином, когда аккуратно расспрашивала меня о деликатных подробностях, детей нам пока рано заводить.

На подходе к Наташиной улице из-за угла навстречу вы-

шла группа ребят, человек семь или восемь, и обступила меня. Среди них заметил Яшку и Димку, а первым, прямо напротив, встал парень постарше, широкоплечий, среднего роста, с заметным шрамом на щеке. Ванька Резанный – вспомнил я о нем из прошлого разговора со шпаной. Он и начал разбор со мной, держа правую руку в кармане, она невольно притянула мое внимание:

– Что, Серый, отбиться от нас решил? И никто тебе не указ, никому не должен?

Заставляю себя не выдать страх, вполне понятный в такой непростой ситуации, по возможности твердым, без какого-либо сомнения, голосом отвечаю:

– Да, Иван, с вашими делами я завязал.

– Так с нами не обойдешься, Серый. Ты теперь с нами в одной связке, выйдешь только с кровью.

– Если нужна кровь, то пусть будет, посмотрим, только чья, – собрав всю выдержку, спокойно отвечаю уголовнику, сомнения в этом у меня нет.

В том момент, когда бандит выхватывает руку из кармана с раскрытым ножом, опережаю его, бью кулаком в кадык и тут же добавляю в висок. Оба удара опасные, если не рассчитать силу, то могут привести к смерти. Но я пошел на риск, если не выбить главаря сейчас, то вся свора тут же набросится и растерзает меня. Не дожидаясь, пока бандит упадет, вырываюсь из круга и встаю спиной к забору. Убегать не стал, мне надо сейчас разобраться со всей шпаной, не от-

кладывать на будущее эту проблему. Резанный упал на землю, захрипел и затих, как когда-то бывший собутыльник отца Петр, но за его жизнь уже ручаться не могу. Пока один из банды склонился к жожаку, другие повернулись ко мне, под крик Яшки: Бей его, – набросились на меня.

Драка шла насмерть, они били чем угодно – цепями, кастетом, палками. Я успел вырвать из рук первого из напавших штакетину, вертел ею, отбивая сыпавшиеся удары, сам наносил ответные. Мне перепало немало, но я не чувствовал боли и усталости, какая-то звериная жажда боя захватила меня. В самый трудный момент, когда двое одновременно подступили ко мне, один с ножом, другой с цепью, из моего горла самопроизвольно вырвался дикий крик, и я пошел прямо на них в исступлении, схватив и ломая руку с ножом. Шпана встала и отступила, а потом, схватив лежащего главаря, побежала от меня. Я остановился, не стал преследовать банду, главную свою задачу выполнил, победа осталась за мной. Думаю, теперь они даже если не отстанут от меня, то прежде задумаются, стоит ли связываться со мной.

Только теперь, когда бой остался позади, почувствовал страшную усталость и боль, ныло все тело от побоев, но режущей, от ножа, нет, обошлось. Заправил выбившуюся рубашку, отряхнул одежду и отправился к Наташе. Когда она открыла мне дверь, ужас охватил девушку, она вся побледнела. Успокаиваю подругу:

– Наташа, со мной в порядке! Побил я шпану, убежали!

Девушка прижалась к моей груди, заплакала, причитая сквозь слезы:

– Изверги, они хотели убить тебя! Смотри, вся одежда изорванная, живого места на тебе нет!

Обнимаю, глажу ее плечи успокаивающе:

– Нормально, все заживет. Пойдем к тебе, надо умыться, да и одежду почистить.

Моя просьба привела Наташу в чувство, она за руку завела на кухню, сама раздела меня до трусов. Принесла тазик с водой и стала протирать все тело, жалостливо спрашивая, когда я невольно морщился при касании побитого места: Больно, Сережа?

Постирала мою одежду, потом покормила ужином, хотя я отказывался, не давно из-за стола. Но, странно, съел все приготовленное подругой, сказался перенесенный стресс, да и сил отдал немало. А потом лежали в постели, Наташа сама ласкала меня, целуя все мое тело. Довела меня до семяизвержения, водя губами по возбужденному органу, а потом оседлала его, воспрянувшего от новых ласк. Мы не спали почти всю ночь, неустанно услаждали друг друга, только перед рассветом прикорнули на пару часов. Утром Наташа погладила и заштопала мою одежду, накормила завтраком и проводила до ворот, мы условились о следующей свидании.

Глава 3

Дома меня ожидала «горячая» встреча, мама долго не могла отойти от того потрясения, что вызвал мой изрядно побитый вид. Хотя Наташа и обработала ссадины и царапины какой-то заживляющей мазью, а синяки сводила соляным компрессом, но все равно, мои боевые раны видны любому, а материнскому глазу и подавно. Она в первую минуту остолбенела, как увидела меня, заходящего на кухню. Не давая ей напугаться больше, сразу успокаиваю:

– Мама, со мной все в порядке, я жив и здоров.

После продолжил:

– У меня была разборка со шпаной, я их побил, больше не полезут!

Только теперь мама отошла от оцепенения, бросилась ко мне, стала вертеть кругом, всматриваясь в битые места, а после, едва не плача, заголосила:

– Господи, да что же это делается, на тебе живого места нет! Так ведь и убить могли! Звери, как же можно живого человека так бить!

На крики выскочил из своей с мамой комнаты заспанный отец, перевел взгляд с матери на меня, у него округлились глаза, только спросил, пораженный моим видом:

– Сережа, что с тобой?!

Повторяю ему уже ранее сказанное:

– Папа, со мной в порядке. Подрался со шпаной, я их побил, больше ко мне не пристанут.

Отец гораздо скорее пришел в себя, встревоженный, но уже спокойнее, задал вопрос:

– Сережа, расскажи подробнее, как все произошло.

Рассказываю обоим, мама перестала кричать, также застыла в ожидании моего ответа:

– Я шел к Наташе, повернул на ее улицу, когда мне на встречу выскочила кодла, человек семь или восемь. Они окружили меня, их главарь наехал на меня за то, что я не захотел дальше быть в их шайке. Я ответил ему, а потом завязалась драка. Вырубил главаря, а потом отбивался от других, досталось и им и мне. После они убежали, а я пошел к Наташе, она обработала раны. Сейчас чувствую нормально, обо ничто не беспокоит.

Отец продолжил допытываться:

– Сережа, непонятно, почему кодла, говоришь, семь или восемь бандитов, напугались тебя одного и убежали? Ведь они могли забить тебя всей оравой?

– Я устоял на ногах, пока они нападали на меня, потом крикнул и бросился на них. Они и напугались, посчитали меня, наверное, психом, не боящимся ничего, решили держаться подальше. Другой причины я не вижу.

Отец задумчиво кивнул мне, а потом высказался:

– Может так и быть. Они в стае смелые, а когда получают отпор, то их смелость тут же пропадает, особенно без вожа-

ка, которого ты сразу выбил. Только ты никого не убил, Сережа, а то, хоть ты и защищался, могут затаскать в милиции?

– Точно не скажу, папа, того же главаря я бил сильно, мне нужно было сразу вырубить его.

Отец подумал, после добавил:

– Ладно, я сейчас пойду к участковому, поговорю с ним, а ты, Сережа, посиди дома, никуда не уходи. Может, он захочет видеть тебя, допрос провести или еще что.

– Хорошо, папа. Я и не собирался никуда, мне надо готовиться к экзаменам.

Все время нашего разговора мама молчала, слушала, но потом сказала свое слово:

– Я пойду с тобой, Витя, надо все равно наказать эту шпану. Как же можно так бить человека, ведь убить могли Сереженьку!

Отец не стал спорить с мамой, они быстро собрались и ушли к участковому. Я же прилег на свою койку и быстро заснул, минувшие приключения особо не потревожили мой покой. Казалось, только лег, как меня разбудила мама. Я в начале даже перепутал, показалось, что пора на работу, а потом вспомнил, сегодня же воскресенье. Смотрю недоуменно на маму, а она мне говорит:

– Вставай, Сереженька, к тебе пришел участковый, Федор Силантьевич, будет спрашивать о драке.

Только сейчас пришел в себя после недолгого сна, прояснились мысли о происшедшем, о том, что можно сказать

милиционеру. Оделся в свежую одежду, прежнюю, заштопанную Наташей, отложил в сторону. Вышел на кухню, там за столом сидел пожилой капитан милиции, чем-то похожий на известного по фильму Анискина, вернее, на Михаила Жарова в этой роли. Поздоровался с участковым, он ответил, внимательно оглядывая меня, а потом заявил:

– Да, крепко побили тебя. Но хорошо, что остался на ногах, а то забили бы ногами.

Открыл свою папку, взял из нее чистый лист и велел написать заявление о нападении на меня хулиганов. Я на мгновение задержался с ответом, мне еще не приходилось писать на кого-то жалобы, но оставлять шпану безнаказанной не стал, под диктовку участкового написал требуемое. Не смог только назвать всех нападавших, кроме Резанного, Яшки и Димки, вспомнил только двоих, из параллельного класса, остальных не узнал. После прошли к месту драки, родители увязались за нами, показал, кто где стоял, а потом на такси съездили в травмпункт, там записали о нанесенных мне травмах. После участковый отпустил нас, мы вернулись домой и я снова лег спать, устал от протокольных процедур.

Проснулся уже под вечер, меня больше не стали будить, родители сами занимались домашними работами. Помог немного с уборкой во дворе, после взялся за учебники. Начал с математики, ничего сложного в ней по школьному курсу не нашел, но проштудировал полностью, решал задачи и примеры. Спать не хотелось, выбрал почитать на ночь Пре-

ступление и наказание Достоевского. Вначале напрягался, заставляя себя с вниманием проходить страницы, а потом втянулся, за ночь прошелся от корки до корки. Заснул, когда в окне стало светлеть, никаких снов и видений в памяти не осталось, проснулся сразу, как только мама стала будить меня. Собираясь, долго разглядывал в настенном зеркале свое опухшее лицо, отеки еще не спали, а синяки не сошли.

В таком виде отправился на работу, привлекая внимание попутчиков в автобусе, в цехе не раз услышал подколки старых рабочих о не совсем здоровом цвете лица. На шутки, пусть и грубоватые, не обижался, знал, что они не от злого умысла или желания поиздеваться, у молодых ребят такие «знаки отличия» не редкость. А когда отец рассказал рабочим о моей схватке со шпаной, то их отношение из снисходительного перешло в уважительное, похвалили за смелость и отчаянность. Один из них, дядя Степа, самый старший в цехе, ему уже под шестьдесят, в обеденном перерыве рассказал о случившемся с ним в молодости таком же событии. Но ему досталось больше, едва не погиб в драке, почти полгода лежал в больнице с отбитыми органами и переломами.

Другие рабочие тоже стали вспоминать о своей буйной молодости, групповых драках, район на район или между школами и техникумами, с поножовщиной, другими смертоубийственными орудиями. Как я понял еще в первый день, жестокость здесь среди молодежи в порядке вещей. Мож-

но сравнить с естественным отбором в самой жесткой форме, выживет и займет достойное место тот, кто сумеет защитить себя, другие же станут мальчиком на побегушках у более сильных. Я слушал разговоры внимательно, в них нашел немало полезных для себя сведений о принятых в шайках порядках и нравах, скрытных приемах нападения и защиты от них, разводе лохов, воровских понятиях и еще о многом другом, что могут помочь мне освоиться в существующей вокруг далеко не законопослушной среде.

Вечером после работы привычно зашли в пивную, отец уже без особых искушений выпил свою норму и мы отправились домой. Позанимался пару часов по русскому языку, он идет в университете вторым экзаменом – сочинением, а потом отправился к своей подруге на очередное свидание. По пути высматривал своих недругов, навстречу мне никто из них не попался, только на соседней улице заметил вдали знакомые фигуры Яшки и Димки, они тут же исчезли в прогулке. Может это совпадение, но мне кажется, что они опасаются, избегают меня, я их хорошо напугал. Наташа при встрече сразу же спросила, кто-нибудь приставал ли ко мне. Страх за меня у нее все еще не прошел, я унял его объятиями и поцелуем. Немного успокоившись, она принялась осматривать меня, вновь смазала пострадавшие места, а потом пригласила за стол поужинать.

Отношение девушки ко мне можно назвать любовью, во всяком случае ее переживания и забота искренние, мне

это стало ясно с первого вечера. Возможно, что Наташа связывает со мной свое будущее, я для нее не просто партнер для телесных утех, а глава ее собственной семьи, отец ее еще не родившихся детей. Но ответить ей тем же не могу, хотя ясно понимаю, лучшей жены и хозяйки своего дома в этом мире мне вряд ли найти, мой прежний опыт семейной жизни подсказывает однозначно. Иной раз меня грызет совесть, я же обманываю надежды девушки, но менять отношения не могу и не хочу. Пока мы вместе, буду заботиться о ней и ласкать, доставлять радость, но обещать чего-то большего не стану. Я еще ни разу не сказал Наташе, что люблю ее, а она не спрашивала, наверное, чувствовала, что ответ может стать для нее не самым приятным.

В этот вечер мы не торопились сразу в постель, долго сидели на кухне за столом, пили чай с о сладостями, которые я принес из дома, рассказывали друг другу о нынешних делах и ближайших планах. Наташа готовится к поступлению в институт иностранных языков, иняз, как его называют, боится, что не пройдет, конкурс в институт каждый год большой, вряд ли в этом году будет меньше. У нее способности к языкам хорошие, учительница по английскому посоветовала идти именно на эту специальность. Вступительные экзамены начнутся через месяц, но уже сейчас прошла всю школьную программу, взяла в институте дополнительное задание для абитуриентов, готовится по нему.

Я рассказал Наташе о своей работе с отцом, а потом уди-

вил новостью, что собираюсь поступить в университет. Она не ожидала, что заядлый троечник, кое-как окончивший школу, вдруг решится дальше учиться, причем не где-либо, а в самом известном ВУЗе страны. В ее глазах я заметил и радость неожиданных перемен, и беспокойство, по себе ли рублю сук. Вслух Наташа не высказала сомнения, но мне и без слов ясна ее реакция, у моих родителей такая же. В какой-то мере подтвердил серьезность своих намерений, сказав ей, что усердно занимаюсь, прошел уже математику, сейчас готовлюсь по русскому языку. Подруга предложила свою помощь, мы перешли в ее комнату, сели рядышком за столом и принялись разбирать премудрости могучего языка. Через час прервались, девушка похвалила меня, высказалась, что не ожидала от меня таких успехов.

Умственный труд мы сменили на более приятный, я поднял на руки подругу и понес к кровати, приговаривая, за свои и ее труды мы достойны самой лучшей награды, с чем она с энтузиазмом согласилась. Плотское наслаждение усилилось духовной общностью, девушка раскрылась во всем таланте сексуальной фантазии, придумывала самые разные варианты нашего соития и тут же с моей помощью бралась их опробовать. Я полностью отдал инициативу в любовных играх подруге, послушно исполнял ее затеи, она творила с моим телом самые причудливые фигуры, куда там пресловутой Камасутре!

После таких постельных забав мы сели покушать, аппетит

разыгрался у нас обоих, потом продолжили школьные занятия, я писал под диктовку, а Наташа проверяла ошибки. Она не сдержала своего удивления моим результатом, воскликнула:

– Сережа, я не узнаю тебя, как будто подменили! Ни одной ошибки!

Знала бы подруга, как близка она к истине! Не стал объяснять ничего, обнял ее, принялся целовать и ласкать, мы вновь оказались на девичьей постели. Только на этот раз я вел партию, придумывал что-то необычное, а девушка слушалась беспрекословно. Какого-либо насилия и извращения мы не допускали, без них нам хватило новых оттенков и взаимной гармонии чувств. Вот так, чередуя свои роли, а также прерываясь на другие занятия, мы провели несколько часов блаженства и душевного единения, легли спать глубокой ночью, поставив будильник на нужное время. Утром, как только проснулись, зарядились еще одним сеансом близости, после завтрака я отправился домой, надо уже собираться на работу.

Вечером, когда мы вернулись с работы и сели ужинать, к нам пришел участковый. Мама пригласила за стол, он, не чинясь, уселся на принесенный мною стул и покушал с нами. После рассказал о ходе открытого по моему заявлению дела. Слава богу, драка обошлось без жертв, если не считать неопасные для жизни травмы. Резанный после часа отключки пришел в себя, но последствия полученного сотрясения

мозга сказались, еще день отлеживался дома. Удар в кадык, вызвавший болевой шок, что-то еще повредил в голосовых связках, в первое время мучился удушьем, а потом разговаривал с трудом, голос его охрип. Вчера его забрали в СИЗО, следственный изолятор, на допросе отказался признать свою вину, мол, просто решил поговорить со мной, ножом не угрожал, а я сам напал на него.

Его подельников, как несовершеннолетних, запирали в камеры не стали, взяли подписку о невыезде под ручательство родителей. Провели с ними допросы, они дали свои версии прошедшей драки, обеливая себя – встретились случайно, а тут я им попался, стал грубить старшему товарищу, вот они и заступились. Правда, в их показаниях вылезло немало расхождений и нестыковок, следователь прижал хулиганов, тем вольно-невольно пришлось рассказать правду. Нашли не только названных мною ребят, но и остальных из шайки, сейчас все обвиняемые присмирели, сидят дома под надзором родителей. На вопрос мамы, что им будет за групповое нападение на меня и драку, участковый только пожал плечами, а потом ответил:

– Трофимова (вот такая фамилия оказалась у Резанного) за организацию преступной группы и вовлечение в нее несовершеннолетних могут лишить свободы на пять лет, а с остальными будут разбираться, может, в колонию или на исправительные работы, все решит суд. Эта шпана давно у меня под присмотром, только не было серьезного основа-

ния разобраться с ними, если не считать мелкое хулиганство. Так что, Сергей, твое дело пошло на пользу, хотя, конечно, ты пострадал не мало. Молодец, что завязал с этой бандой, ты у меня шел тоже среди неблагополучных.

Участковый распрощался с нами и ушел, отец проводил его до ворот, мы же с мамой так и сидели за столом, обдумывая услышанное. Я не ожидал такой скорой и строгой реакции милиции, предполагал, что в столь криминальной обстановке в городе и по стране до моего дела вряд ли дойдут руки, коль нет серьезно пострадавших. Начнется волокита, долгая тяжба, а то и просто спустят на тормозах и дело уйдет в архив. Наверное, немалую роль сыграли личное участие и заинтересованность участкового, его допекла уголовная братия на подконтрольном участке. Странно еще, что к нам не пришли родители ребят из шайки, просить забрать заявление и закрыть дело. Правда, я не знаю, есть ли в здешнем уголовном законе такая возможность, примирение сторон или еще что-нибудь подобное. Надо прочесть этот закон, чтобы самому не ошибиться и не оказаться крайним.

С этой мыслью я встал из-за стола, поблагодарил задумавшуюся маму за вкусный ужин и отправился в свою комнату дальше готовиться к экзаменам. Включил магнитофон, под негромкую музыку The Beatles принялся повторять физику. За пару часов прошел весь учебник девятого класса, после небольшого перерыва с разминкой во дворе перешел на десятый, так и прозанимался с ним до сна. Спал спокойно,

прошедшие события, сегодняшние вести не затронули мой покой, утром встал с ясной головой и бодрым духом. День прошел незаметно, в ожидании приятного вечера с Наташей остальные заботы прошли фоном. Ловлю себя на мысли, что меня тянет к девушке, все больше дум о ней, а незнакомка из сна постепенно уходит в небытие, вспомнил ее за минувшие дни только раз или два. Улыбнулся в душе от такого заключения, мой практичный ум и прежний жизненный опыт подспудно сказались на сердечном настрое: лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Загорелся желанием порадовать Наташу чем-то необычным, доставить ей удовольствие своим вниманием. Из доступных прямо сейчас возможностей выбрал кино и цветы, попросил у отца десять рублей, сразу после ужина поехал в кинотеатр «Целинный», самый крупный и красивый в городе. Билеты остались только на последний сеанс, в девять вечера, на индийский фильм «История двух сердец». Меня подобные фильмы-мелодрамы особо не увлекали, романтической девушке, какой я считаю Наташу, думаю, будет интересен. Пошел к цветочному базару неподалеку, выбрал красивый букет из пяти бело-розовых гладиолусов, мне они понравились больше популярных роз. В автобусе всю дорогу берег цветы от случайных касаний, также аккуратно нес их до самого Наташиного дома. А когда она открыла дверь, сразу вручил букет со словами: – Ты самая милая девушка в мире, как эти цветы, – а потом поцеловал оторопевшую подру-

гу.

Через долгую минуту Наташа проговорила, любуясь цветами:

– Какие красивые гладиолусы, мне еще такие не дарили!

Потом обернулась ко мне, продолжила:

– Спасибо, Сережа. Ты самый лучший на свете, я люблю тебя!

Отвечаю взволнованной девушке, только что признавшейся в сокровенном чувстве:

– Я тебя тоже люблю, Наташа!

Слова у меня вырвались сами, из самого сердца, я ответил искренне, сам поверив им. Наташа вся засияла, прижалась лицом к моей груди, повторяя: Я люблю тебя, Сережа.

Я обнял ее, мы стояли, прижавшись друг к другу, счастливые, позабыв о всем окружающем, только чувствуя, как бьются наши сердца. После долгих мгновений я вспомнил о фильме, сказал о нем подруге:

– Наташа, я взял билеты на индийский фильм о любви, в «Целинном», пойдём?

Девушка оторвалась от моей груди, подняла голову, смотря на меня блестящими от слез глазами, ответила с готовностью:

– Пойдем. А когда?

– Прямо сейчас, сеанс в девять часов.

Мы оба посмотрели на настенные часы, осталось меньше двух, запаса времени почти нет. Наташа заторопилась, быст-

ро нашла вазу, налила туда воды и поставила букет, а потом побежала переодеваться. Я пошел за ней следом, мне приятно видеть ее стройное тело, так и стоял, любуясь подругой. Она вначале засмузилась моего неотрывного взгляда, а после улыбнулась, мое внимание и восхищение порадовало ее. Я едва удержался от соблазна ласкать ее обнаженное тело, когда она осталась в одних трусиках. Когда же Наташа еще кокетливо повернулась боком, демонстрируя свою красивую грудь, только сумел проговорить:

– Наташа, не буди зверя, я сейчас не выдержу!

Подруга засмеялась, но перестала дразнить, быстро одела белье и платье, а потом перед зеркалом принялась наводить косметику. На улице мы сразу поймали такси, успели в кинотеатр незадолго до первого звонка. Фильм мне самому понравился, драматичный сюжет, внятная игра актеров, красивые песни. А в эпизоде, когда ослепшая героиня возвращает обручальное кольцо главному герою, меня проняло, даже в глазах защемило, а сидящая рядом Наташа не скрывала слез, так и всхлипывала, как многие зрительницы в зале. После, когда фильм уже закончился, мы еще несколько минут сидели на своих местах, приводя свои чувства в относительный порядок, покинули зал среди последних. Уже дома, приехав опять на такси, отпустили свои эмоции во взаимных ласках, как будто мы сами герои только что увиденной истории. Эта ночь оказалась самой счастливой из всех проведенных нами вместе, мы были полны нежности к друг

другу, повторяли раз за разом слова любви и вновь отдавались волнам страсти.

До начала моих экзаменов мы вместе побывали на гастролях Анны Герман во Дворце Согласия, ее задушевные песни завладели нашими сердцами, слушали великую певицу затаив дыхание. В воскресенье поехали за город к озеру, набрав продуктов для пикника. От остановки автобуса шли больше часа, но нисколько не сожалели, красивое озеро стоицей воздало за потраченные усилия, набрались бодрости и энергии, радости жизни. Мы купались и загорали, походили в сосновом лесу, окружающем озеро, наловили рыбы и пожарили ее на костре, вкус замечательный, пропахший древесным дымом. Вернулись к вечеру, я проводил Наташу до дома, здесь впервые увидел ее родных – родителей и старшую сестру, она живет отдельно, у нее своя семья.

Подруга особо не распространялась о них, по редким случайно оброненным словам мне стало ясно, родители не в особом восторге от выбора младшей дочери. Хулиган, неуч, я им не казался выгодной партией, но Наташа сумела отстоять право любить того, кого она желает, родителям пришлось смириться. И вот сейчас у ворот ее дома я собрался уже попрощаться до завтра, когда Наташа неожиданно попросила:

– Сережа, пожалуйста, зайдём ко мне. Я хочу, чтобы родители встретились с тобой и поняли, что ты самый хороший, мне никто другой не нужен.

Я в первое мгновение растерялся, у нас даже речи не было о более близком знакомстве с родственниками, но после понял, что для Наташи очень важно, чтобы родители приняли ее избранника судьбы, она не представляет свое будущее без меня. Иду навстречу подруге, соглашаюсь:

– Хорошо, Наташа, пойдем вместе. Не обещаю, что у меня с твоими родителями все сложится ладно, но постараюсь не подвести тебя.

Девушка улыбнулась натянуто, заметно, что волнуется, взяла меня за руку, так мы и зашли во двор, рука об руку. Родители Наташи возились с чем-то во дворе, не сразу заметили нас, только когда мы подошли к ним совсем близко. Не отпуская мою руку, подруга как-то очень решительно, даже с вызовом сказала им:

– Папа, мама, вот мой Сережа!

После небольшой паузы добавила:

– Поговорите с ним, посмотрите. Сережа самый лучший, и я люблю его!

После такого отчаянного заявления дочери родители растерялись, молчали, только переводили взгляды с Наташи на меня и обратно. Я прервал затянувшееся молчание, поздоровался с ними, они ответили, после отец, невысокий плотный мужчина лет около пятидесяти, сказал:

– В ногах правды нет, зайдем домой, там и поговорим. Давай, мать, накрывай стол, надо принять дорогого гостя.

Наташина мама, все еще красивая, похожая на Наташу,

то же, как и муж, постарше моих родителей, кивнула головой, первой зашла в дом, следом отец, мы последние. Расселись за столом на кухне, к нам еще вышла и присоединилась старшая сестра, я поздоровался с ней, назвал себя, она в ответе сказала свое имя – Татьяна. Имена родителей мне известны с самой первой встречи с Наташей, отца зовут Владимиром Семеновичем, он работает на хлебокомбинате сменным мастером, мать – Нина Сергеевна, сменный технолог на том же комбинате. Разговор начал отец, я уже заметил, что в этой семье первое слово за отцом, в отличие от моих родителей, где ведущая мама. Вел он речь неторопливо, выговаривая каждое слово:

– О нас ты уже, наверное, знаешь. Должно быть, Наташа наговорила тебе с три короба. Расскажи-ка о себе, чем занимаешься, что собираешься дальше делать.

Сдерживаю волнение, оно как-то передалось от Наташи ко мне, стараюсь отвечать спокойно и максимально информативно:

– Работаю с отцом в деревообрабатывающем комбинате, учеником столяра. Сейчас в учебном отпуске, готовлюсь поступать в университет на механико-математический факультет, вечернее отделение.

Отец удивленно покачал головой, продолжил допрос, если так можно назвать нашу беседу:

– Хм-м, значит, работаешь, готовишься поступать. Это на кого, будешь учителем математики?

– Нет, моя профессия больше фундаментального, научно-исследовательского значения, называется математическое и компьютерное моделирование. Буду изучать общие методы управления и закономерности функционирования глобальных систем с помощью математического и компьютерного инструментов, программных средств.

– Да, так сразу не поймешь. Это что, ученым будешь?

– Да, работа предстоит в научно-исследовательских учреждениях Академии наук.

– Вот это чудеса, – Владимир Семенович даже погладил свою начинающую лысеть шевелюру, – говорили, что ты из троек не вылазишь, теперь метишь в академики!

Пожав плечами, отвечаю:

– Решил менять свою жизнь, если хочу добиться чего-то в жизни. Вот и выбрал, что мне показалось интересным и перспективным.

– А верно, что ты со шпаной распрощался, а когда они полезли на тебя, дал им хороший нагоняй?

– Можно и так сказать, больше с ними я не вожусь, у меня теперь своя жизнь.

– Серьезности в тебе прибавилось, это хорошо. Главное, чтобы дальше не сбился, держался своего курса. Дай бог тебе сил и терпения, чтобы добился своих планов.

Я понял, что Наташин отец теперь на моей стороне, настороженный прежде взгляд смягчился, он смотрел на меня с нескрываемым интересом и уважением. Сама Наташа

с гордостью смотрела на родных, прижавшись к моему плечу, всем своим видом показывая: Я же вам говорила, что Сережа самый лучший! Не стал обнимать подружку при всех, только ободряюще погладил ее руку, лежащую на моей.

Глава 4

В последнюю неделю перед экзаменами каждый день ездил в университет, там занимался в читальном зале. Мне в комбинате дали учебный отпуск, теперь с утра до вечера с полной отдачей готовился по всем предметам. Задача поступить в выбранный ВУЗ стала для меня принципиально важной и безусловной, я уже не мог допустить провала принятой цели, обмануть надежды поверившей в меня любимой девушки, родителей. Мне нужно все экзамены сдать только на отлично, с моим аттестатом другого решения просто не оставалось. Проштудировал вся учебную литературу для поступающих, разбирал прошлогодние задания, писал сочинения на разные темы, вечером отдавал их Наташе на проверку, а потом вместе разбирали ошибки или неудачные обороты.

Не пропускал консультации, которые проводили преподаватели университета, задавал им вопросы по неоднозначным, даже казусным задачам, иногда выходящим за рамки школьной программы. С одним из них, по математике, у меня состоялось довольно интересное общение, после консультации он задержал меня и принялся обсуждать альтернативный метод, высказанный мною. Разобрали на конкретной задаче как по традиционному, так и моему вариантам. Результат привел преподавателя в некоторое смятение, более

логичным и точным оказался именно предложенный мною. Похоже, в этом мире даже фундаментальная наука шла иным путем, коль очевидные для меня математические методы здесь оказались неизвестными.

Ученый увлекся, мы еще не один час толковали о математических законах и анализе, я уже осторожнее высказывал свои суждения. Вызывать лишние вопросы или подозрения, откуда у юного неопфита столь необычные знания, посчитал лишним, но и без того уже сказанное весьма заинтересовало преподавателя, он записал мою фамилию и на какую специальность я собираюсь поступать. Сам он с другой кафедры, общей математики, назвал себя Шамовым Виктором Леонидовичем и должность – старший преподаватель, а потом проронил, что если я поступлю, то готов привлечь меня к работе по тематике кафедры. Предложение я, конечно, принял с благодарностью, подобная перспектива мне интересна, да и контакты с преподавательским составом совсем не лишние.

В день первого экзамена встал привычно рано, позавтракал с отцом. Уходя, он пожелал держать хвост пистолетом, ободряюще хлопнул по плечу. За прошедшую неделю без меня он ни разу не сорвался в пьянство, стал намного увереннее в своей воле. Мама мудро поддерживала его добрым словом и заботой, почти не ворчала, хвалила каждое его старание по дому и хозяйству. Меня растрогало новое, ласковое обращение между родителями, они даже украдкой обнима-

лись и целовались. После ухода отца сам собрался, надел выходной костюм, хотя день ожидался жарким, уже с утра припекало. Мама обняла меня, на прощание высказалась:

– Сереженька, я знаю, ты справишься. Верю, что у тебя все будет хорошо.

– Конечно, мама – отвечаю, – я готов, не беспокойся.

С бодрым настроением выхожу из дома, во мне полная уверенность в успешном итоге сегодняшнего экзамена. Шамов мне хорошо подсказал о нем, даже дал для пробы некоторые задания, не представившие мне трудностей. В университет я приехал почти за час до назначенного времени, сидел на лавочке, расслабившись, а потом прошел в нужную аудиторию. Здесь за партами, поднимающимися амфитеатром, сидели три десятка поступающих. Поздоровался со всеми, прошел на свободное место в третьем ряду. Времени еще оставалось, стал осматривать большую аудиторию, на сотню мест, своих будущих коллег, многие из них заметно старше меня. Зал постепенно заполнялся, почти все парты оказались заняты.

С небольшим опозданием вошли экзаменаторы, Шамов и еще один преподаватель постарше. Именно он объявил об условиях письменного экзамена, потом уже вдвоем прошли по рядам, раздали экзаменационные билеты и листы со штампом. Для черновых расчетов на партах уже заранее приготовили чистые листы. Просмотрел бегло задачи и примеры в выпавшем мне билете, все знакомо и понятно, при-

нялся решать задания на черновике. Внимательно проверил, ошибок нет, затем начисто переписал на листы со штампом, перестраховался, просмотрел еще раз и сдал листочки второму экзаменатору, Шамов куда-то вышел. Я в аудитории справился самым первым, у меня на всю работу ушло меньше часа из установленных двух.

Не стал никого ждать, впрочем, я и ни с кем из абитуриентов не знакомился, отправился домой. Отдохнул недолго, до самого вечера с перерывом на обед работал сначала на огороде, а затем во дворе, навел везде порядок и чистоту. Приниматься снова за учебу, готовиться к следующему экзамену не стал, вот и поработал физически, да и дело для дома нужное, родителям будет приятнее. Вечером вначале отцу, а затем матери, пришедшими после работы, рассказал, как прошел первый экзамен, сразу успокоил, у меня с ним все хорошо. Объяснил, что результат по нему объявят через два дня, еще через день будет письменный по русскому – сочинение. После ужина отправился к Наташе, ей тоже надо рассказать о прошедшем экзамене.

В день, когда должны были объявить результат первого экзамена, я утром зашел за Наташей, она на последнем свидании попросила взять ее с собой, когда поеду в университет. Вместе приехали в университетский городок, прошли в корпус факультета, увидели в вестибюле на информационной доске вывешенные листки со списками и толпу абитуриентов с болельщиками возле них. Протолкались к спискам,

отыскали мой поток, а потом и группу. Наташа первой нашла меня в списке и вскрикнула:

– Сережа, у тебя пятерка! Вот, смотри! – а потом обняла меня, проговаривая:

– Я знала, что у тебя будет все хорошо, ты же умница!

Замечаю свою фамилию с оценкой, радость от успеха добавляется к гордости любимой за меня, в счастливой эйфории отхожу от доски, обнимая одной рукой подругу. Мы еще долго ходили по аллеям городка, посидели за столиком на летней площадке студенческой столовой, переживая упоение как от моей победы, так и близости наших душ, даже их слиянии в едином чувстве. Дома Наташа приготовила праздничный обед для меня, она не пошла в свой институт, где, как и я, занималась каждый день в читальном зале. Этот день мы провели вместе, ухаживали друг за другом, обнимались и целовались как будто на первом свидании. Вечером вернулся домой, обрадовал родителей, а после до самого сна повторял уже пройденное, готовился к завтрашнему экзамену.

На экзамене по русскому дали три темы на выбор, одна из них – о Раскольникове. Вот и не верь наитию, я ведь недавно перечел Преступление и наказание, как будто предвидел. А сейчас вспоминаю и пишу историю противоречивой личности, романтика и бунтаря, считающего себя выше других, «Тварь ли я дрожащая или право имею». Слова сами ложатся на бумагу, единым духом, почти не отвлекаясь, описал смятение героя, его чувства и нравственные коллизии, падение

и преступление. Только когда поставил последнюю точку, то возбуждение, схожее с азартом, охватившее меня с началом работы, сменилось на небольшую усталость. Почувствовал даже некоторую опустошенность в душе, как будто я выплеснул свои эмоции и мысли, сопереживая герою. Посидел с закрытыми глазами минуту, приводя чувства в порядок, после взялся перечитывать, что же я «натворил».

В основном написанный текст меня удовлетворил, на мой взгляд, тему я раскрыл. Только в паре мест немного скорректировал, смягчил переходы, проверил ошибки, вроде все правильно. Переписал начисто на экзаменационные листы, еще раз просмотрел, а потом сдал работу экзаменатору. На душе все же беспокойно, кажется, занимался достаточно, но абсолютной уверенности в безукоризненности сочинения нет, русский язык, как, впрочем, и другие, не мой конек. Но напрасно изводить себя сомнениями не стал, я сделал все, что мог. Погулял по городку, отходя от перенесенного напряжения, а потом отправился домой, вновь заниматься трудотерапией. Родителям о своих опасениях не сказал, только Наташе, она принялась успокаивать меня, у меня обязательно все получится. Ее вера в меня внесла больше покоя в мятущуюся душу, да и своими ласками отвлекла от тревожных мыслей.

Через два дня вновь поехала со мной в университет, должны уже вывесить списки сдавших второй экзамен. В поредевшей изрядно толпе возле доски с листками нашли свой,

напротив моей фамилии вижу оценки: литература – 5, русский – 4. Все таки допустил ошибки, чего опасался, то и случилось! Результаты все же не самые худшие, другой бы радовался, но для меня они критические, шансы поступить резко упали, хотя и не безнадежно. Оставшиеся экзамены должен сдать только на отлично, тогда еще есть вероятность поступления, все же русский язык не профилирующий. Наташа высказалась в подобном плане, у нее едва ли не слепая вера в мою удачу. И она не подвела, устные экзамены по физике и информатике я сдал на отлично, экзаменатор по второму предмету даже сказал, что поставил бы мне оценку пять с плюсом, если она существовала бы.

Списки поступивших вывесили только через месяц, уже в августе, после приема экзаменов у третьего потока вечерников. К тому времени начались экзамены для поступающих на основное, дневное, отделение, у Наташи тоже, первый экзамен у нее по русскому языку – сочинение. Я к тому времени снова работал с отцом, но в день объявления результатов в институте подружки отпросился на работе, вместе с ней поехали узнать итоги. Наташа молодец – две пятерки, я обнял любимую прямо тут, у доски, среди толпы юных девушек, а потом повел в кафе, устроил ей праздник. На следующий день пришел черед праздновать мне – меня зачислили в институт! Поехали в университет все вместе, мама тоже, отпросилась у себя на фабрике.

А когда нашли в списке поступивших мою фамилию, са-

мые дорогие мне существа обняли меня, Наташа даже заплакала, я же стоял, не веря своему счастью, прижимая к груди обеих. Позже, когда я уже работал с Шамовым по одной из тем кафедры, он признался, что председатель приемной комиссии, он же декан факультета, не хотел пропускать меня, при том же количестве набранных баллов отдал предпочтение другим, у которых в аттестате гораздо лучшие оценки, чем мои сплошные тройки. Только активное участие моего покровителя и поддержавшего его преподавателя информатики перевесило выбор в мою пользу. Они оба уверили, что я самородок, будущий гений, привнесу в математические науки несомненный и весомый вклад. Председатель скептически отнесся к таким заверениям, но все же пошел навстречу мнению авторитетных ученых.

В ближайшую субботу родители устроили мне праздник, пригласили родственников, у мамы в городе два брата, и соседей. У отца никого, кроме нас, нет, он детдомовский. Я еще позвал родителей Наташи, они согласились прийти к нам, да и с моими родителями ближе познакомиться. Я у Наташи проводил почти каждый вечер, если не занят был дома, с ее родными сложились вполне дружелюбные отношения, особенно с Владимиром Семеновичем, на общем увлечении шахматами. Он играл неплохо, ненамного уступая мне, иногда мы увлекались, весь вечер проводили в шахматных баталиях, а Наташа немного дулась, требуя внимания к себе. С ним мне интересно еще говорить на разные

темы, от политики и международных дел до городских проблем, местных нравах и порядках. Он, можно сказать, самоучка, без специального образования, до всего доходил своим пытливым умом, знания у него довольно обширные и разнообразные, а суждения необычные, со своей точкой зрения.

К нашим разговорам иногда присоединялись Нина Сергеевна и Наташа, общение между нами проходило интересно всем. Несколько раз за прошедшие после знакомства два месяца встретился со старшей сестрой, Татьяной, она учительница физики и математики, можно сказать, коллега мне, вел и с ней беседы, как на общие темы, так и нашего профиля. Как и в разговоре с Шамовым, при обсуждении одной из школьных тем заинтересовал ее нетрадиционным методом решения задачи, мы целый час разбирали и сравнивали различные варианты. Она только в этом году закончила пединститут, студенческая привычка учиться еще не прошла, так что ухватилась за новые знания со всем азартом, пристав ко мне со своими вопросами. Наше тесное общение даже вызвало у Наташи ревность, она просто увела меня от сестры, сказав той, что Сережа нужен ей.

Надо признать, основания для беспокойства у подруги есть, я еще на первой встрече с Татьяной заметил ее оценивающий взгляд и интерес ко мне, далекий от родственного. Да и меня, что греха таить, привлекла ее красота и ладная фигура, в этом она заметно превосходила свою младшую сестренку, по юношески стройную, только начинающую наливать-

ся женской статью. При наших следующих встречах старшая из сестер не обделяла меня вниманием, обращалась по разным темам, если проходила мимо, то как бы невзначай касалась меня своим крутым боком, невольно будя во мне плотские страсти. Не удержался, сам пару раз украдкой погладил ее роскошные бедра, она вовсе не противилась. Я знаю, что Татьяна замужем, раз даже при мне приводила в родительский дом своего мужа, полного молодого человека лет тридцати, какого-то бесцветного и флегматичного.

Они женаты уже год, живут в своем доме, но, видимо, не все ладно у молодых, коль в глазах Татьяны вижу блеск неудовлетворенного женского начала, далеко не невинное внимание к заинтриговавшему ее другу младшей сестреники. На ее взгляд, наверное, такому романтичному – бывшему хулигану, храбро расправившимся с прежним окружением, а теперь успешнодвигающемуся к научным вершинам, или, по крайней мере, делающему первые шаги к ним. Конечно, я для нее забава, развлечение в ее серой жизни с равнодушным мужем, каких-то серьезных намерений в отношении меня у молодой женщины нет, но не может упустить свой шанс, даже не взирая на возможные ссоры с сестреникой. Пока у нас с Татьяной особо предосудительного не произошло, все на уровне волнующего юную кровь флирта, обоюдных любовных проказ на глазах ревнующей, почуввавшей неладное, подруги.

Вот такие отношения сложились у меня с семьей Азаро-

вых, они уже признали меня своим, не стали против наших близких связей с Наташей. Родители прекрасно знали, чем я занимаюсь с их дочерью, пару раз застали нас в девичьей постели, когда мы, утомленные ночными ласками, просыпали время их прихода. Но какого-либо выговора нам, смущенным, застигнутым на месте «преступления», не выносили, разговаривали с нами как ни в чем не бывало. По-видимому, приняли как будущего мужа своенравной дочери, если она так желает, то так тому и быть, да и я уже не вызывал у них отторжения, как прежде, может, даже напротив. И когда они пришли в гости к моим родителям, устроившим мне праздник, сидели рядышком друг с другом, говорили между собой о чем-то важном и нужном, судя по довольным лицам, пришли к согласию между собой. Я же не скрывал от других близость с Наташей, мы с ней сидели за столом рядом как голубки, прижавшись плечом к плечу, моя мама открыто при всех назвала ее доченькой.

В этот вечер я заново познакомился с родственниками со стороны матери, в прежней моей жизни мама почти не общалась с ними, какие-то трения случились у нее со своими старшими братьями еще в ее молодости, насколько я понял, из-за папы. Здесь же такого, по-видимому, не произошло, судя по довольно доброжелательным отношениям между старшими. Дядя Ваня и дядя Коля отнеслись ко мне приязненно, от души поздравили с поступлением, похвалили за мое решение взяться за ум. Прежние приключения племянника,

очевидно, беспокоили их, мама не скрывала от родных своих тревог, а сейчас, видя радость в доме, разделяли ее с нами.

Из их жен мне больше понравилась тетя Настя, она старше моей мамы, веселая и заводная, тормошила всех, первая пускалась в пляс или запевала песни, поддевала своим острым язычком, не стесняясь никого, даже маму. Но мне видно, что никто из родных не обижался на нее, наверное, зная ее добрую душу и открытый нрав. Вторая – тетя Маша, полная противоположность, тихая и молчаливая, за весь вечер я только пару раз слышал ее негромкий голос, больше хлопотала на кухне, помогая маме стряпать, накрывать и убирать со стола. Родные принимали хлопоты тети Маши как само собой разумеющееся, так она поставила себя, без особой признательности за ее труды.

Праздник вполне удался, мне наговорили много хвалебных слов, я уж даже загордился во всеобщем внимании гостей, их искренней радости за меня, выразил свою признательность родителям, мама таяла от моих слов, отец тоже был доволен. Он выпил только пару стопок, а потом пригубил на каждый тост. Держался молодцом, поддерживал разговоры, сам шутил, брал за душу своими песнями, у него приятный баритон, я и не подозревал о таком у него умении, раньше он при мне ни разу не пел. А когда он с мамой вдвоем запел «Старый клен», все застыли, так ладно и сердечно вышло у них. Они пели, взявшись за руки и глядя друг другу в глаза, всем стало понятно, что они вспоминают свою

юность и первую любовь, умилялись, смотря на них. Наташа прижалась ко мне, опустив голову на мое плечо, тихо подпевала им.

В этот вечер песен было предостаточно, каждый пел любимую, а остальные подхватывали дружным хором. Мы с Наташей исполнили «Надежду», которую не так давно слушали на концерте Анны Герман, приняли наш дуэт хорошо, пусть и не так, как моих родителей. После, когда довольные гости стали расходиться, проводил подругу и ее родителей домой, долго у них не задержался, вернулся домой. Помог матери убраться, а потом, когда мы вместе сидели на кухне за чаем, она завела разговор о нас с Наташей:

– Сереженька, я вижу, что ты любишь Наташу, и живете вы как муж и жена. Мы с папой хотим, чтобы у вас все было по людски, не стыдно другим смотреть в глаза. Поговорили с родителями Наташи и вот что скажем тебе. Живите вместе и дальше, перечить вам не будем, ее родители согласны, что ты перешел к ним. Только вот надо вам пожениться по весне, когда исполнится обоим восемнадцать, так будет не зазорно ни вам, ни родителям. Что скажешь, Сереженька?

Я растерялся на какое-то время, мыслей о женитьбе у меня даже близко не было. Связывать себя браком в таком юном возрасте не входило в мои планы, но после недолгого размышления посчитал, что он особо мне не мешает, а отказываться от близости с Наташей не могло быть и речи, у меня от такой мысли все естество взбунтовалось, как же

я без ласк подруги! Ответил неспешно, как о продуманном решении:

– Хорошо, мама, я согласен, только мне надо поговорить с Наташей, захочет ли она?

– Захочет, ее родители уже поговорили с ней, они же предложили вас поженить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.